
Демографические ориентации молодежи, сформированные в условиях институциональной стабильности к началу 2020-х годов

Д.М. ЛОГИНОВ*

***Дмитрий Михайлович Логинов** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр «Институт социального анализа и прогнозирования», ИПЭИ РАНХиГС, Москва, Россия, loginov-dm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2717-6909>

Цитирование: Логинов Д.М. (2025) Демографические ориентации молодежи, сформированные в условиях институциональной стабильности к началу 2020-х годов // Мир России. Т. 34. № 3. С. 28–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50

Аннотация

В статье рассматривается комплекс демографических ориентаций российской молодежи, сформированный и реализуемый в период институциональной стабильности 2010-х годов. Эмпирической базой исследования выступают данные социологического опроса населения страны в возрасте 18–35 лет, реализованного ИНСАП РАНХиГС в 2019 году; выборка является репрезентативной для данной возрастной когорты россиян. Объем и структура выборочной совокупности позволяют проводить сравнительный анализ по различным социально-демографическим группам молодежи. В фокусе рассмотрения находятся установки в отношении выделения из родительской семьи, вступления в брак и деторождения, практики внутрироссийской миграции, а также представления об оптимальном уровне эгалитарности семейных отношений.

Результаты исследования показывают, что отдельное от родителей проживание является выраженной социальной нормой, однако физическая сепарация часто сопряжена с сохранением ресурсной поддержки со стороны родительского домохозяйства. Отмечаются явно выраженные механизмы отложенного вступления в брак, что особенно заметно в отношении мужчин, при этом массовой характеристикой демографического поведения выступает статус постоянного партнерства без официальной регистрации отношений, который в большинстве случаев воспринимается молодыми людьми в качестве промежуточного жизненного этапа. Деторождение остается безусловной ценностью для подавляющего большинства российской молодежи, но ориентация на раннее появление детей распространена крайне незначительно, и в этом отношении присутствует явная зависимость установок от уровня образования. Более 40% молодых людей проживают не в том

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Статья поступила в редакцию в мае 2024 г.

населенном пункте, в котором окончили школу, а 35% декларируют миграционные планы на горизонте ближайших лет. Восприятие актуальных условий проживания в населенном пункте явным образом дифференцирует молодежь в отношении миграционных установок, и наиболее значимыми факторами являются возможности трудаоустройства и досугового времяпрепровождения. Российская молодежь явственно декларирует установки на эгалитаризацию семейных отношений, и, как показывает разработанная типология, низкий уровень эгалитарности является нормой для менее половины молодых людей.

Ключевые слова: молодежь, демографическое поведение, брачно-партнерские отношения, репродуктивные ориентации, деторождение, миграция, эгалитарность

Постановка проблемы

Формируемые демографические установки и реализуемые практики молодого поколения россиян во многом влияют на вектор развития страны как в текущий момент времени, так и на горизонте ближайших десятилетий. Паттерны, представляющиеся молодым людям оптимальными, впоследствии выступают базисом (преломляющимся через рефлексию накапливаемого опыта, имеющиеся ресурсы и восприятие институционального контекста) воспроизводимых на поколенческом уровне моделей демографического поведения.

Первое двадцатилетие текущего века характеризуется достаточно высоким уровнем институциональной стабильности. Безусловно, на протяжении этого периода страна проходила и кризисные отрезки, влияние которых на все аспекты жизнедеятельности россиян неоспоримо. Однако рост уровня жизни массовых групп населения, формирование устойчивых форматов вертикальной мобильности, расширение горизонта жизненных перспектив и, что особенно важно, отсутствие масштабных социально-экономических трансформаций, предоставили возможность когорте россиян, формирующей возраст которой пришелся на этот временной период, выстроить и закрепить комплекс своих жизненных установок.

Представляется важным рассмотреть набор паттернов демографического поведения российской молодежи, сформированных за этот относительно стабильный период. В 2019 г., накануне начала этапа многоаспектной турбулентности социально-экономического контекста, начавшегося с пандемии коронавируса и продолжающегося в новых условиях 2022–2024 гг., Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС реализовано социологическое исследование российской молодежи. Комплексный характер исследования позволил выявить широкий спектр как декларируемых демографических установок, так и реализуемых практик демографического поведения, охватывающий проблемы сепарации от родительской семьи, брачно-партнерских отношений и рождаемости, миграции, а также эгалитарных предпочтений в семейной сфере. Значительный объем выборочной совокупности и ее фокусирование на возрастной когорте 18–35 лет дает возможность не только выявления общих поколенческих трендов, но и дифференцированного рассмотрения многочисленных социально-демографических страт молодежи с анализом групп, в которых различные тенденции проявляются в разной степени.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные специального социологического опроса, реализованного в 2019 г. по выборке, репрезентирующей население России в возрасте 18–35 лет. Выборка для опроса, проведенного методом телефонного анкетирования, формировалась на основе случайной систематической стратификации номеров мобильных телефонов, которые сгенерированы по задействованным DEF-диапазонам на территории России (по информации официального сайта Россвязи по состоянию на 1 января 2019 г.).

Таблица 1. Распределение выборочной совокупности по группам

Группы	Количество респондентов, чел.	Доля в выборочной совокупности, %
В целом	3531	100
<i>По полу</i>		
Мужчины	1786	50,6
Женщины	1745	49,4
<i>По возрасту</i>		
18–24 года	973	27,6
25–35 лет	2558	72,4
<i>По типу поселения</i>		
Город более миллиона жителей	860	24,4
Город от 250 тысяч до миллиона жителей	882	25,0
Город до 250 тысяч жителей	1028	29,0
Сельское поселение	734	20,8
Отказ от ответа / пропущено	27	0,8

Источник: расчеты автора.

Диапазоны позволили таргетировать телефонные номера до субъектов РФ для создания территориальных страт, в качестве которых выступают условные часовые зоны, разделяющие Россию на четыре территориальные группы (Центр, Урал, Сибирь, Восток). Отдельно также выделена «столичная» территориальная группа, представляющая Москву, Санкт-Петербург, а также Московскую и Ленинградскую области, в которых необходимы принятия специальных мер по удержанию пропорции представленности в выборочной совокупности в связи с традиционным занижением показателей согласия на участие в социологических опросах. Распределение первоначальной выборки по стратам рассчитано на основе актуальных данных Росстата о численности населения соответствующего возраста, проживающего на территории выделенных страт.

На первом этапе реализации опроса из общей базы телефонных номеров путем роботизированного мини-опроса по первоначальной выборке для выяснения

возраста была создана база потенциальных респондентов в возрасте 18–35 лет. Повторное телефонное обращение к отобранным респондентам со стороны подготовленных интервьюеров позволило собрать массив анкет, заполненных со слов россиян, возраст которых соответствует задачам исследования. Полное анкетирование согласились пройти 26% включенных в выборку по результатам роботизированного мини-опроса.

Достигнутый объем выборочной совокупности составил 3531 респондентов. Распределение выборки в разрезе основных демографических групп представлено в *таблице 1*. Полученные данные взвешены для выравнивания половозрастной структуры выборки в соответствии с показателями генеральной совокупности.

Обзор исследований демографических установок молодежи в контексте теории поколений

Теория поколений, в соответствии с которой различные возрастные когорты характеризуются общностью, выражающейся не только присущими им возрастными границами, но и особенностями социально-экономического контекста, была сформулирована К. Мангеймом [Мангейм 1998]. В исследовании Н. Штрауса и У. Хоува основания внутрипоколенческой общности подтверждаются на основе анализа поведенческих моделей ряда следующих друг за другом поколений в США [Strauss, Howe 2009]. В российской исследовательской практике данная проблематика раскрывается на протяжении десятилетий в ряде работ, посвященных как выявлению устойчивости поколенческих характеристик и поведенческих установок (напр., [Абраамова 2017]), так и межкогортным различиям, выделяемым в рамках широкого набора социальных индикаторов [Радаев 2018]. Характерные черты и базовые установки молодежных когорт россиян анализируются в контексте институциональной среды, влияющей на долгосрочный ценностный базис, складывающийся в «формирующем возрасте» [Шереги 2013].

В последние десятилетия модели демографического поведения, реализуемые молодежными когортами, подвержены существенному влиянию тенденции на смещение акцента от семейных обременений к максимизации материального и социального статуса [Шумпетер 1995]. Дискурс сознательного отказа от рождения детей и откладывания деторождения начал проявляться в исследованиях начиная со второй половины XX в.: например, Дж. Виверс в своих работах признавала важность селективного рассмотрения людей, пребывающих в браке и не имеющих детей [Veever 1980]. А в начале текущего века в некоторых европейских странах доля сознательно бездетных женщин в репродуктивном возрасте превышала четверть [Basten 2009]. При этом надо учитывать, что декларируемая в молодых возрастах установка на добровольную бездетность в некоторых случаях с течением времени может меняться.

И межстранные, и национальные исследования иллюстрируют динамизм ценностных установок, влияющих на семейные отношения, в том числе на повышение их эгалитарности [Гурко и др. 2018]. При изучении молодежных когорт Японии выявлена ситуация, когда в целом общественный базис разделения обязанностей на «мужские и женские» сохраняется, но при этом выделяются группы, в которых многие черты традиционализма существенно размываются

[*Adachi* 2018]. Заметная дифференциация, свидетельствующая о динамике формирующихся брачных установок, отмечается среди молодых людей, получающих профессиональное образование в Индии [*Bhavana, Roopa* 2015]. Межстрановой анализ показывает массовость незарегистрированных сожительств среди молодежи многих европейских стран, в том числе и в России [*Гурко, Мамиконян* 2018]. Представляется важным упомянуть в числе значимых сопоставительных исследований анализ влияния внешнего шока коронавирусной пандемии на демографические ориентации населения разных стран в части реализуемых и планируемых деторождений [*Вакуленко и др.* 2022]. Контекст коронавирусной пандемии хронологически выведен за пределы рассмотрения нашей статьи, однако необходимо обратить внимание на то, что установки, фиксируемые в период относительной стабильности, неизбежно корректируются молодыми людьми, особенно под воздействием шоковых трансформаций.

В исследованиях отечественных ученых проблематизируются практики молодежной когорты, направленные на поиск баланса между брачно-партнерскими отношениями, деторождением, развитием образовательного потенциала и карьерными достижениями [*Смакотина* 2012]. Проводимый анализ иллюстрирует наличие трендов разной степени настоятельности, направленных на сознательный отказ от деторождения и смещение брачно-партнерских отношений в стороны меньшего постоянства этих союзов [*Тарченко, Бийжанова* 2018; *Ломакин* 2019]. В фокусе исследований находятся практики деторождения (в том числе откладываемого), сепарации от родительской семьи, формирования брачно-партнерских отношений (часто ориентированных на незарегистрированное партнерство и сравнительно поздние браки) [*Богданова, Щукина* 2003; *Прокофьева и др.* 2008; *Римашевская* 2009; *Гурко* 2017; *Синельников* 2019; *Логинов* 2021]. Отмечается ролевая динамика, в соответствии с которой среди российской молодежи сокращается число сторонников традиционного распределения семейных ролей, набор которых становится более разнообразным [*Романович* 2023; *Чернова, Шпаковская* 2010; *Лежнина* 2016]. Обособленным объектом рассмотрения внутри молодежной когорты выступают представители студенческого сообщества как традиционно активной социальной группы, вектор усилий которой направлен на максимизацию образовательного потенциала: в частности, анализируются возрастные предпочтения в вопросе брачности [*Гурко, Тарченко* 2019], а также факторы формирования и реализации репродуктивных установок [*Назарова, Зеленская* 2019; *Долбик-Воробей* 2003]. Отмечается влияние комплекса культурных, социальных и экономических факторов, под воздействием которых происходят поколенческие сдвиги в образе желаемой молодыми людьми семьи, заметное место в котором занимают и современно-эгалитарные элементы [*Ростовская, Кучмаева* 2020; *Нечаева* 2018].

Выделение из родительской семьи

Результаты нашего исследования показывают, что три четверти опрошенной молодежи проживает вне родительской семьи. В каждой более старшей возрастной группе доля проживающих отдельно от родителей повышается, при этом важно отметить, что даже среди наиболее молодых (18–22 года) включенность в роди-

тельские домохозяйства распространяется менее чем на половину численности соответствующей группы. Межпоколенческая сепарация в значительной степени связана с вступлением молодежи в брачные или партнерские отношения: в составе каждой из возрастных групп молодые люди, не состоящие в подобных отношениях, кратно чаще проживают совместно с родителями. При этом совместное проживание с родителями носит преимущественно вынужденный характер, который подтверждается не только различиями в наполненности групп, реализовавших подобную сепарацию и считающих ее желательной (*рисунок 1*), но и тем фактом, что только 35% полноценно включенных в состав родительского домохозяйства объясняют это отсутствием желания жить самостоятельно.

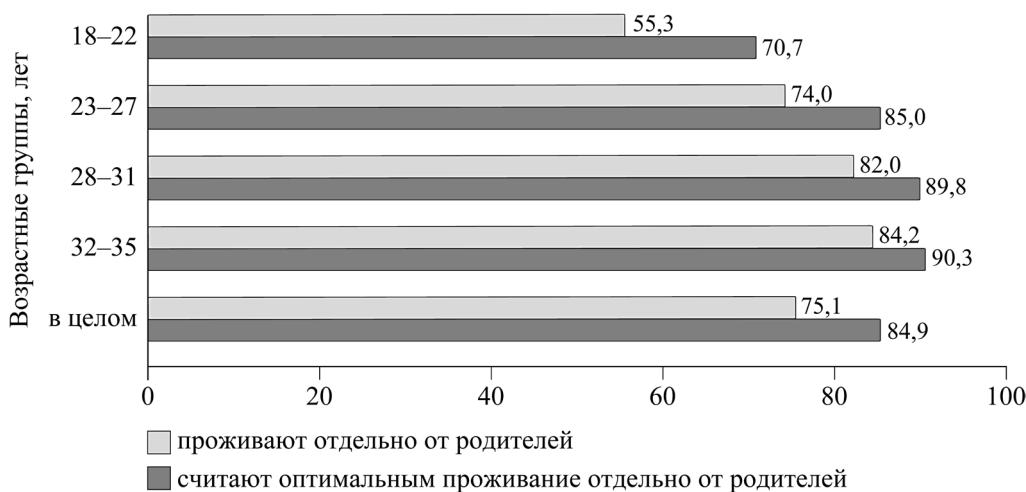

Рисунок 1. Доля проживающих отдельно от родителей и считающих отдельное проживание оптимальным, по возрастным группам, %

Источник: расчеты автора.

Данные о том, что 85% опрошенных считают оптимальным отдельное от родителей проживание в актуальном для себя возрасте, подтверждают закрепление соответствующей социальной нормы в восприятии подавляющего большинства молодежной генерации. С возрастом доля сторонников выделения из родительского домохозяйства нарастает, при этом существенных гендерных различий в данном вопросе не наблюдается.

Отмечаются заметные, однако отнюдь не принципиальные различия в практиках и предпочтениях представителей молодого поколения, проживающих в городах и сельских поселениях. В сельской местности доля реализующих совместное проживание с родителями максимальна, и различия с представителями городского населения составляют 8–11 п.п.; при этом разница в наполненности групп, декларирующих желание отдельного проживания, существенно меньше. Важно также отметить, что показатели, характеризующие жителей городов различного размера, крайне схожи (*рисунок 2*).

Уровень материальной обеспеченности и наличие стабильного дохода не оказывают существенного влияния на формирование предпочтений в отношении совместного или самостоятельного проживания. Возможным объяснением этого является массовость ресурсных перетоков из родительских домохозяйств в направлении сепарировавшейся молодежи. В ходе исследования выявлено, что лишь немногим более 40% молодых людей достигли полной финансовой самостоятельности к моменту отделения. При этом отмечаются достаточно существенные гендерные различия: среди мужчин на 13 п.п. больше тех, кто финансово не зависел от родителей в момент отделения, и, напротив, практически вдвое большая доля женщин в рассматриваемый период не имела никаких источников дохода, кроме родственных трансфертов (рисунок 3).

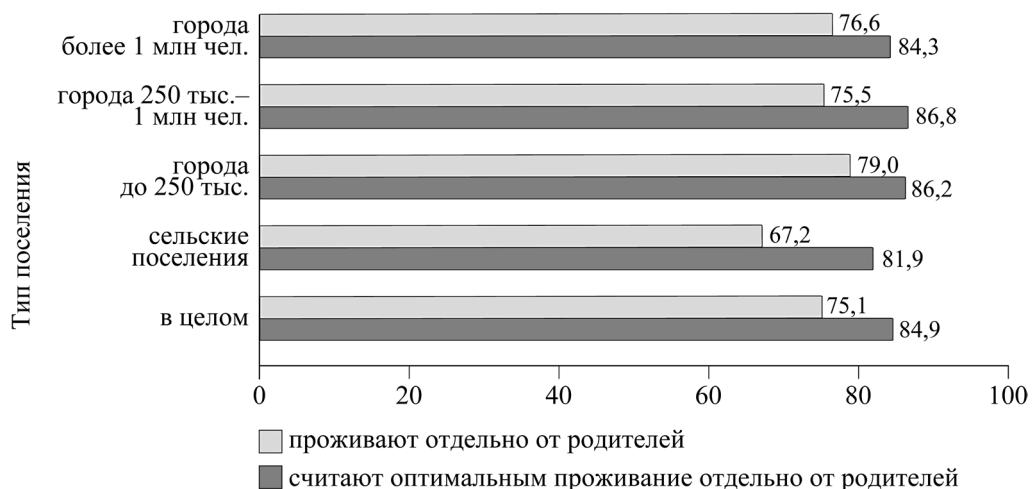

Рисунок 2. Доля проживающих отдельно от родителей и считающих отдельное проживание оптимальным, по типам поселений, %

Источник: расчеты автора.

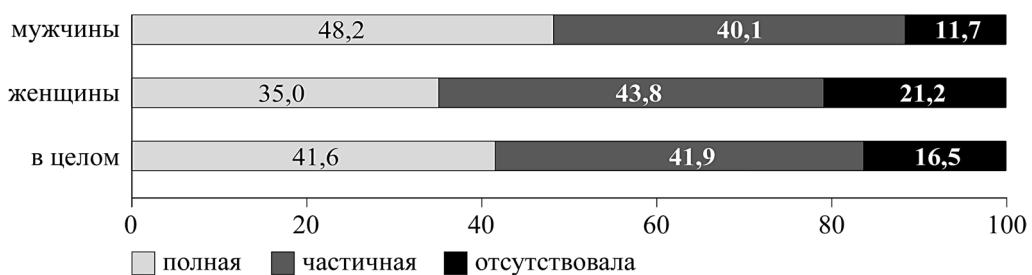

Рисунок 3. Финансовая самостоятельность в момент выделения из родительской семьи, по гендерным группам, % от проживающих отдельно от родителей

Источник: расчеты автора.

Миграционные ориентации молодежи

Выделение из родительской семьи и начало самостоятельной жизни для значительной части молодых людей связаны с миграцией в новый населенный пункт, в том числе на этапе перехода от общего к профессиональному образованию, что подтверждается результатами многочисленных работ, сфокусированных на данной проблематике (напр., [Флоринская, Роццина 2008; Мкртчян 2017; Логинов, Семионова 2023]). Результаты нашего исследования показывают, что 42% молодых людей проживают не в том населенном пункте, в котором окончили школу, и соответствующая доля в разных возрастных сегментах молодежной когорты отличается достаточно незначительно (в пределах 5 п.п.). В соответствии с общеизвестными трендами территориальной мобильности мы наблюдаем повышение доли реализовавших миграцию в каждой более крупной территориально-поселенческой группе, причем в мегаполисах с населением свыше одного млн жителей соответствующая доля превышает половину опрошенных.

Рассмотрим ориентацию молодых людей на перспективные внутристрановые миграционные перемещения. Желание поменять населенный пункт проживания на горизонте нескольких ближайших лет, сопряженное с декларативной готовностью предпринять соответствующие усилия, выражают около трети опрошенных. В наибольшей степени миграционные установки характеризуют представителей наиболее молодой группы, значительно снижаясь по мере повышения возраста (рисунок 4).

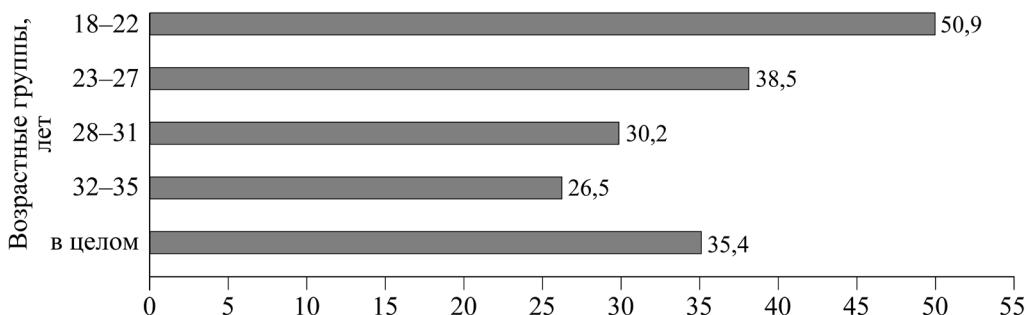

Рисунок 4. Доля декларирующих миграционные планы на горизонте ближайших лет, по возрастным группам, %

Источник: расчеты автора.

Декларируемые ориентации молодежи на смену места жительства в значительной степени определяются уровнем удовлетворенности актуальными условиями жизни и деятельности. На рисунке 5 представлены значения индекса удовлетворенности этими условиями по различным критериям оценки. Индекс удовлетворенности в каждом случае представляет собой среднее значение шкалы субъективной оценки, в рамках которой мнение «абсолютно удовлетворены» соответствует единице, «скорее удовлетворены» – 0,5, «скорее не удовлетворены» – -0,5; «совершенно не удовлетворены» – -1.

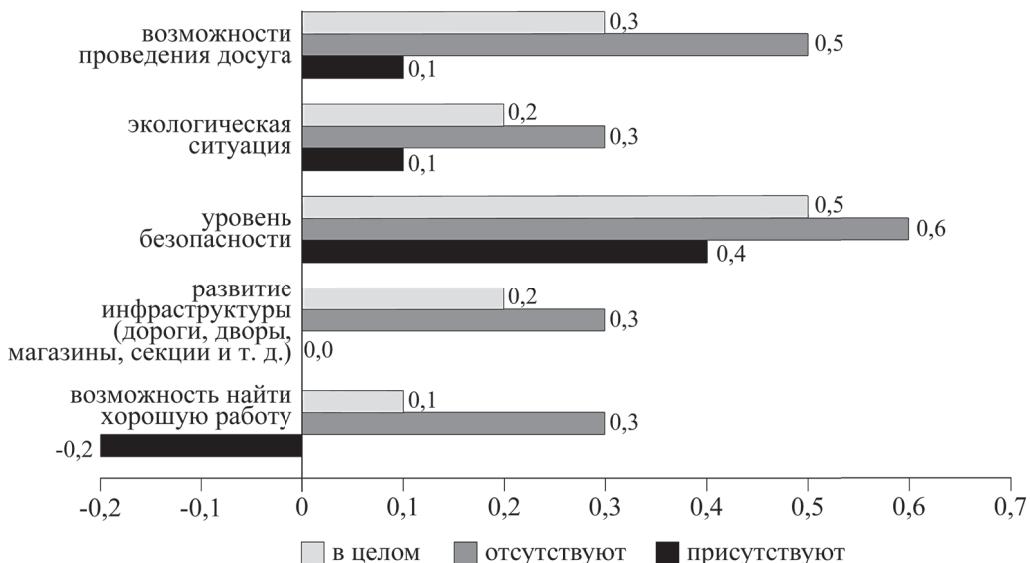

Рисунок 5. Индекс удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности в населенном пункте проживания, по группам декларативных миграционных планов на горизонте ближайших лет

Мы видим, что ориентированные на переезд в новый населенный пункт существенно хуже оценивают текущие условия жизнедеятельности по каждому из выделенных критерииев. При этом наиболее драматичные различия характеризуют возможности трудоустройства с приемлемыми условиями занятости. Второе место по уровню различий между группами ориентированных на миграционные перемещения и не планирующих подобных действий занимает параметр имеющихся рекреационно-досуговых возможностей.

Брачно-партнерские отношения

Как мы отмечали ранее, большинство российской молодежи живет отдельно от родителей. Рассмотрим включенность молодых людей в брачно-партнерские отношения.

Вне брака и постоянного партнерства проживают 40% молодежной когорты (таблица 2), и в каждой более старшей группе подобная практика становится все менее распространенной. При этом в подобном статусе пребывает около 20% наиболее возрастной группы (32–35 лет), что позволяет говорить о сформированности соответствующего выраженного тренда демографического поведения. Другой важной характеристикой выступает статус постоянного партнерства без официальной регистрации брачных отношений, который, очевидно уступая в распространенности официальному браку, характеризует при этом достаточно массовый

сегмент молодежной аудитории. В постоянном незарегистрированном партнерстве пребывают 18% опрошенных, а среди возрастной группы 23–27 лет и жителей мегаполисов актуализация такой практики максимизирована на уровне, превышающем 20%. При этом надо отметить, что только четверть из пребывающих в незарегистрированном партнерстве не планируют регистрации брака в будущем, в то время как для большинства молодых людей подобная практика представляется промежуточным жизненным этапом, предполагающим последующее официальное оформление семьи.

Таблица 2. Тип актуальных партнерских отношений, по возрастным группам, % по строке

Группы	В официальном браке	Постоянное партнерство	Вне брака и постоянного партнерства
В целом	42,6	17,9	39,5
<i>По возрасту (лет)</i>			
18–22	7,3	15,9	76,8
23–27	35,3	21,8	42,9
28–31	56,3	16,0	27,7
32–35	61,0	17,9	21,1

Источник: расчеты автора.

Таблица 3. Представления об оптимальном возрасте вступления в брак для мужчин и женщин, по гендерным группам, % по строке

Группы	Оптимальный возраст вступления в брак...				
	20 лет и младше	21–24 года	25 лет	26–29 лет	30 лет и старше
...для мужчин					
В целом	6,5	12,5	38,3	16,9	25,8
Мужчины	8,6	16,1	38,7	15,9	20,7
Женщины	4,3	8,9	37,7	18,0	31,1
...для женщин					
В целом	20,8	31,0	34,5	7,6	6,1
Мужчины	26,7	30,5	30,1	7,1	5,6
Женщины	15,3	31,4	38,4	8,2	6,7

Источник: расчеты автора.

Важным аспектом, влияющим на демографические установки молодого поколения россиян, являются представления о том, какой возраст является оптимальным для вступления в брак (таблица 3). Распределение соответствующих оценок

по возрастным интервалам позволяет сделать ряд значимых выводов. Во-первых, явно выражена гендерная диспропорция, в соответствии с которой для женщин массово признается желательным создание семьи в более ранних возрастах по сравнению с мужчинами. Во-вторых, представление о ранних браках как о нормативной модели демографического поведения имеет крайне ограниченное распространение. В-третьих, женщины существенно чаще склонны «отодвигать» возраст первого мужского брака на уровень 30 лет и старше, тогда как среди мужчин сравнительно более распространены предпочтения ранних браков в отношении женщин.

Таблица 4. Представления об оптимальном возрасте вступления в брак для мужчин и женщин, по территориально-поселенческим группам, % по строке

Группы	Оптимальный возраст вступления в брак...				
	20 лет и младше	21–24 года	25 лет	26–29 лет	30 лет и старше
...для мужчин					
В целом	6,5	12,5	38,3	16,9	25,8
Города более 1 млн чел.	6,3	10,1	34,7	20,0	28,9
Города 250 тыс. – 1 млн чел.	5,9	12,8	37,4	16,3	27,6
Города до 250 тыс. чел.	5,9	13,3	40,1	16,4	24,3
Сельские поселения	8,2	13,8	40,8	14,9	22,3
...для женщин					
В целом	20,8	31,0	34,5	7,6	6,1
Города более 1 млн чел.	17,5	30,8	32,9	10,4	8,4
Города 250 тыс. – 1 млн чел.	20,2	32,0	33,7	8,0	6,1
Города до 250 тыс. чел.	19,7	31,4	37,6	6,5	4,8
Сельские поселения	26,9	29,5	32,6	5,8	5,2

Источник: расчеты автора.

Рассмотрим, насколько представления об оптимальном возрасте вступления в брак различаются среди представителей различных социально-экономических групп молодежи. Результаты исследования показывают, что с повышением возраста молодых людей доля тех, кто декларирует предпочтительность ранних браков, монотонно снижается, достигая минимума в старшей группе (32–35 лет) в отношении как мужских, так и женских демографических стратегий. Решение об оптимальном возрасте создания семьи крайне слабо коррелирует с уровнем материального положения респондентов, при этом достаточно существенно выражено влияние территориально-поселенческого фактора. Как показывают данные, представленные в таблице 4, ориентация на сравнительно поздние браки (возраст вступления в которые превышает 25 лет) в наибольшей степени выражена в мегаполисах: в отношении женщин так считают около 20% опрошенных, а в отношении мужчин – почти половина. Жители сельских поселений представляют собой другой

полюс демографических ориентаций, на котором относительно поздние браки представляются существенно менее желательными, а создание семьи в возрасте до 25 лет выступает приоритетом наиболее массовых групп молодежи. Однако надо отметить, что среди представителей всех территориально-поселенческих групп модальным значением выступает 25-летний возраст, от которого дальнейшие распределения существенно смещены в сторону старших возрастов для мужчин и младших – для женщин.

Важно также отметить, что молодые люди с высшим образованием выступают сторонниками несколько более поздних браков. Мы видим, что среди получающих и уже получивших высшее образование приоритизация создания семьи в возрасте 25 лет и старше более выражена, причем это касается представителей обеих гендерных групп.

Репродуктивные ориентации

Как показывают результаты исследования, в момент опроса детей имели около половины представителей молодежной когорты. По очевидным причинам в каждой более старшей группе доля бездетных существенно снижается, при этом в группе 32–35 лет модальным значением детности являются два ребенка. Важно также отметить, что даже среди представителей старших возрастов ситуация отсутствия детей является достаточно распространенной, достигая соответственно около 35 и 25% в третьем и четвертом возрастных интервалах молодежи (таблица 5).

Таблица 5. Наличие и число детей, по возрастным группам, % по строке

Группы	Количество детей			
	нет	один	двоев	более двух
В целом	50,6	23,9	19,0	6,5
<i>По возрасту (лет)</i>				
18–22	94,2	4,4	0,7	0,7
23–27	62,3	24,5	9,9	3,3
28–31	35,7	31,9	24,3	8,1
32–35	23,8	29,0	35,3	11,9

Источник: расчеты автора.

Рассмотрим репродуктивные планы, декларируемые представителями российской молодежи при ответе на вопрос, на какое число детей респонденты ориентированы при рассмотрении собственного жизненного горизонта (таблица 6). Первое, на что следует обратить внимание в этой связи, – это крайне невысокая наполненность группы вовсе не планирующих деторождение. Доля таких ответов в целом по выборке составляет менее 10%, при этом важно отметить

сконцентрированность таких ответов среди опрошенных младшего возраста, а уже с переходом во вторую возрастную группу доля не планирующих рождение детей кратно снижается и впоследствии стабилизируется на уровне 6–7%. Одновременно достаточно распространена позиция, предполагающая расширенное демографическое воспроизводство, то есть рождение трех и более детей. Представляется, что такие данные можно интерпретировать не столько как однозначную ориентацию на подобные практики деторождения, сколько как готовность к этому при благоприятных институциональных и индивидуальных обстоятельствах.

Результаты исследования иллюстрируют ситуацию, приближенную к балансу мужских и женских установок, касающихся планов на деторождение. При этом мужчины существенно чаще предполагают появление детей вне каких-либо ориентиров на их количество, а женщины в несколько большей степени декларируют приверженность единственному деторождению на жизненном горизонте. Распределение ответов по территориально-поселенческим типам иллюстрирует наличие достаточно существенных различий в наполненности групп «полярных репродуктивных ориентаций» в ситуации достаточно равномерного распределения ответов по наиболее массовым позициям. Среди сельских жителей более распространена традиционная модель: в данном случае существенно меньше тех, кто вообще не планирует заводить детей, и одновременно больше желающих родить как можно больше. В то же время репродуктивная модель городских жителей в несколько большей мере допускает полный отказ от деторождения на жизненном горизонте.

Таблица 6. Репродуктивные ориентации, по демографическим группам, % по строке

Группы	Репродуктивные ориентации (желаемое количество детей)					
	не плани- руют	один	до двух	до трех	более трех	сколько получится
В целом	8,7	11,8	40,6	21,0	7,4	10,5
<i>По полу</i>						
Мужчины	9,8	9,6	38,8	20,6	7,8	13,4
Женщины	7,3	14,6	42,7	21,5	6,9	7,0
<i>По возрасту (лет)</i>						
18–22	15,9	10,7	41,0	18,5	4,9	9,0
23–27	7,1	10,6	43,9	20,4	7,3	10,7
28–31	5,9	11,3	40,0	24,1	8,2	10,5
32–35	5,7	15,6	36,6	20,5	9,5	12,1
<i>По типу поселения</i>						
Города более 1 млн чел.	10,5	11,6	42,1	20,2	6,2	9,4
Города 250 тыс. – 1 млн чел.	9,7	13,2	39,4	20,5	6,8	10,4
Города до 250 тыс. чел.	8,4	11,8	41,7	22,4	5,2	10,5
Сельские поселения	5,3	10,4	38,6	20,7	13,4	11,6

Источник: расчеты автора.

Репродуктивные ориентации находятся в определенной, однако отнюдь не принципиальной зависимости от материального положения молодых людей. Так, среди малообеспеченных отмечается вдвое более наполненная группа не планирующих деторождение, размер которой достигает 14% (в группах среднего и высокого материального статуса соответствующее значение составляет 6–8%). При этом в каждой из материальных групп наиболее распространенным ответом (с существенным отрывом от прочих) является ориентация на двух детей.

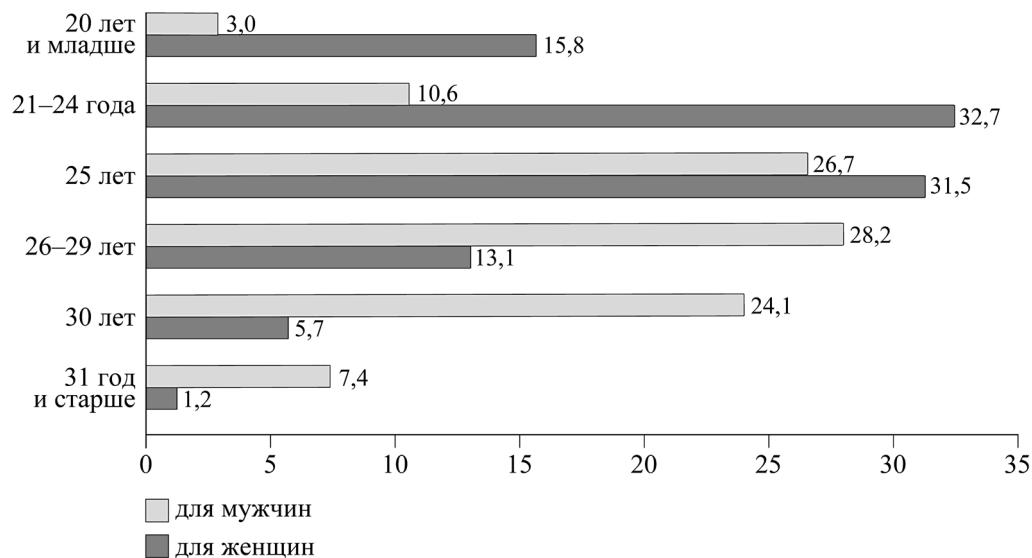

Рисунок 6. Представления об оптимальном возрасте рождения первого ребенка для мужчин и женщин, %
Источник: расчеты автора.

Важной характеристикой демографических паттернов, сформированных в молодежной когорте, становятся суждения о том, какой возраст является оптимальным для рождения первого ребенка. Результаты исследования свидетельствуют о том, что ориентация на ранние деторождения распространена крайне незначительно. В представлениях только около 15% опрошенных оптимальный возраст первого деторождения у мужчин составляет менее 25 лет, тогда как почти треть молодых людей склонны отодвигать этот возраст как минимум на уровень тридцатилетия. По очевидным причинам приоритетный возраст материнства существенно смешен вниз по сравнению с отцовским, но при этом раннее деторождение (когда возраст матери не достигает двадцати одного года) видится хорошим вариантом лишь для 15% респондентов (рисунок 6).

Существенных различий во мнениях об оптимальном возрасте рождения первого ребенка по группам материального статуса не отмечается, но обнаруживается выраженная дифференциация в зависимости от уровня образования:

чем он выше, тем чаще в оптимальной модели первого деторождения присутствует сравнительно старший возраст обоих родителей. Подобная зависимость характеризует и территориально-поселенческий статус опрошенных: более старший возраст родителей при появлении первого ребенка представляется желательным жителям крупных городов. Отмеченные тенденции можно, в частности, проиллюстрировать данными *рисунка 7*, где показан социально-демографический портрет молодежных групп, представители которых декларируют приоритет сравнительно ранних женских деторождений, когда возраст матери не достигает 25 лет.

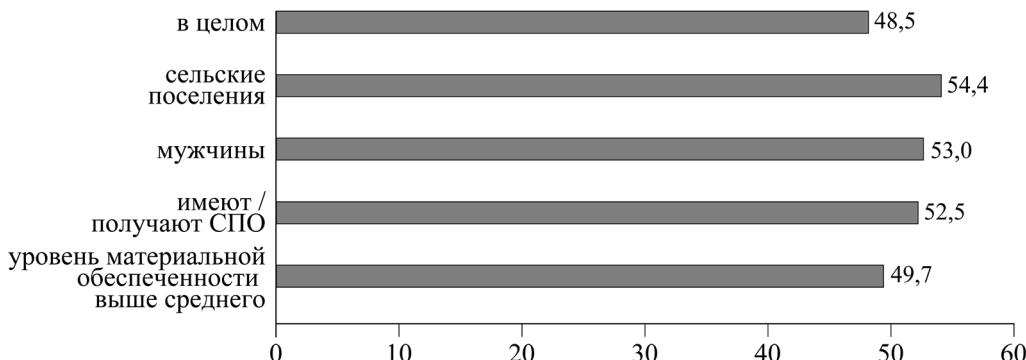

Рисунок 7. Социально-демографические группы, в которых наиболее распространено представление о том, что оптимальный возраст рождения первого ребенка для женщины – младше 25 лет, %

Источник: расчеты автора.

Эгалитаристские ориентации в вопросах семейных взаимоотношений

Далее обратимся к установкам российской молодежи относительно формата семейных отношений в дилеммии «воспроизведение традиционно закрепленных за гендерными группами ролей / формирование отношений, основанных на эгалитарности и гендерном равенстве». Безусловно, декларирование соответствующих ценностных ориентиров, особенно молодыми людьми, многие из которых пока не имеют собственного опыта семейных отношений, отнюдь не означает ни реализации этих установок в реальности, ни их устойчивости на горизонте совместной жизни. Однако даже с учетом этих обстоятельств базовые ориентации молодых россиян представляются крайне важными, поскольку они во многом определяют социальное пространство, формируемое вступившим в самостоятельную жизнь поколением. Наше исследование дает возможность выявить уровень декларируемого современной молодежью эгалитаризма семейных отношений по трем позициям – финансовое обеспечение семьи, выполнение обязанностей по уходу за детьми и их воспитанию, а также выполнение бытовых обязанностей.

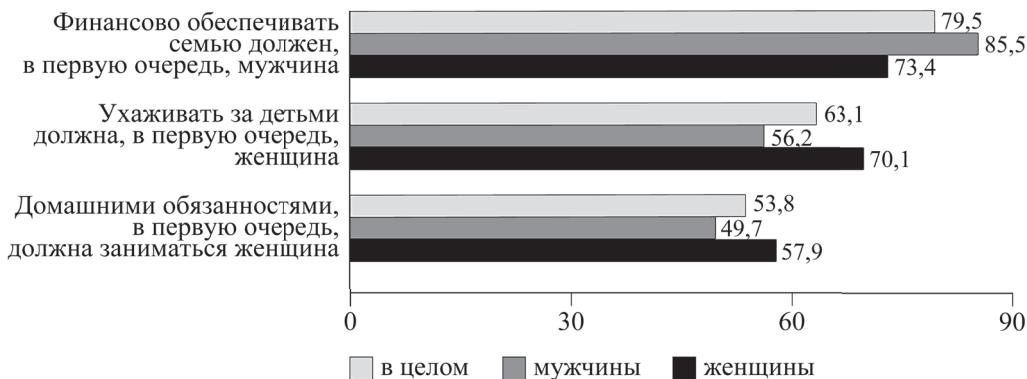

Рисунок 8. Позиции поддержания традиционной модели семейных отношений, % согласных с утверждением

Источник: расчеты автора.

Таблица 7. Уровень гендерной эгалитарности, по демографическим группам, % по строке

Группы	Уровень гендерной эгалитарности		
	низкий	средний	высокий
В целом	43,9	43,7	12,4
<i>По полу</i>			
Мужчины	39,9	50,4	9,7
Женщины	47,9	37,0	15,1
<i>По возрасту (лет)</i>			
18–22	36,7	41,8	21,5
23–27	41,4	44,7	13,9
28–31	42,1	46,6	11,3
32–35	43,2	45,5	11,3
<i>По уровню полученного образования</i>			
Нет профессионального	50,9	38,8	10,3
Среднее (начальное) профессиональное	47,3	42,4	10,3
Высшее	37,9	47,1	15,0
<i>По типу поселения</i>			
Города более 1 млн чел.	37,8	45,7	16,5
Города 250 тыс. – 1 млн чел.	40,8	45,8	13,4
Города до 250 тыс. жителей	45,2	42,9	11,9
Сельские поселения	52,9	39,9	7,2

Источник: расчеты автора.

Данные, представленные на *рисунке 8*, позволяют подтверждать факт отсутствия единства мнений молодых россиян относительно различных параметров организации жизнедеятельности домохозяйства. Функционал основного добытчика в максимальной степени продолжает быть закрепленным за мужчинами. При наличии достаточно существенной 20-процентной группы, которая ориентирована на равновесное распределение соответствующих обязанностей, важно отметить, что среди женщин отмечается большая склонность к уходу от традиционализма. Более трети опрошенных склоняются к балансу в выполнении обязанностей по уходу и присмотру за детьми, а также их воспитанию. Смягчение традиционной нормы, предполагающей преимущественно женский характер соответствующего функционала, в сравнительно большей степени происходит за счет мужской части молодежи. Наиболее заметный успех на пути к гендерному эгалитаризму отмечается в отношении распределения бытовых обязанностей в семье: подобный порядок вещей видится правильным почти половине опрошенных.

Полученные оценки позволяют рассчитать интегральный показатель, характеризующий позиции российской молодежи относительно декларируемой гендерной эгалитарности семейных взаимоотношений:

- низкий уровень эгалитарности соответствует установкам, отрицающим гендерное равенство по всем выделенным в исследовании позициям – 43,9% опрошенных;
- средний уровень эгалитарности предполагает установки на равенство в отношении одной или двух любых позиций – 43,7% молодых людей;
- высокий уровень эгалитарности соответствует интенции к гендерному балансу по всем трем рассматриваемым индикаторам – 12,4% молодежной когорты.

Демографическую дифференциацию молодежных групп, характеризующую уровень эгалитаристского сознания, иллюстрирует *таблица 7*. Как показывают представленные данные, женщины существенно чаще включены в полярные группы (низкой и высокой эгалитарности), тогда как среди мужчин сравнительно распространен средний вариант. Высокий уровень эгалитарности, в целом характеризующий 12,4% молодежной когорты, практически вдвое чаще встречается в установках самой молодой группы опрошенных, возраст которой не превышает 22 лет. С переходом в более старшие группы спектр рассматриваемых позиций стабилизируется и остается практически неизменным. Образовательный статус также влияет на представления об идеальной модели семейных отношений, и эта зависимость наиболее отчетливо проявляется на уровне высшего образования, обладатели которого существенно реже склоняются к традиционистскому формату и чаще – к эгалитаристскому. На территориально-поселенческом уровне заметны различия, в соответствии с которыми сельские жители более выраженно поддерживают формат гендерной асимметрии внутрисемейной ответственности, тогда как молодежь мегаполисов чаще прочих придерживается противоположных установок.

Необходимо отметить, что после приобретения молодыми людьми собственного опыта брачно-партнерских отношений их представления об идеальном формате семейных взаимоотношений несколько корректируются: так, среди тех, кто проживает вне брака и незарегистрированного партнерства, высоким уровнем декларируемой эгалитарности характеризуется 15% опрошенных, тогда как в числе замужних и женатых молодых людей – только каждый десятый из них.

Основные выводы

Выраженной социальной нормой для российской молодежи становится стремление к сепарации из родительской семьи. Безусловно, вступление в брак выступает явным триггером формирования собственного домохозяйства, но подавляющее большинство проживающих совместно с родителями, даже будучи не обремененными брачно-партнерскими отношениями, постулируют временность подобного формата жизни и объясняют его отсутствием возможностей для самостоятельного проживания. Гендерные различия в определении лучшей модели проживания практически не обнаруживаются. При этом сепарация от родительской семьи отнюдь не разрывает межпоколенные связи, в том числе в отношении нисходящих ресурсных потоков: лишь немногим более 40% молодых людей (мужчины – заметно чаще) достигли полной финансовой самостоятельности к моменту отделения.

Большинство представителей молодежной когорты поддерживает практики партнерского проживания (как в официальном браке, так и без его оформления). Притом что оптимальный возраст создания семьи для женщин в субъективных представлениях сравнительно смещен в меньшую сторону, ориентация на ранние браки достаточно ограничена. Наиболее образованные представители молодежи крупных городов выражают явное смещение в сторону модели, в которой значительную роль играет развитие образовательного потенциала и выстраивание карьерной траектории, а создание семьи на временном горизонте отодвигается. Создание семьи и последующая официальная регистрация отношений в случае проживания в неоформленных сожительствах остаются демографическими практиками, поддерживаемыми и воспроизведимыми наиболее массовыми группами молодежи. Однако данные практики не являются единственно возможными, что подтверждается наличием 20-процентной группы, представители которой в возрасте 32–35 лет не состоят в постоянных отношениях.

Результаты исследования подтверждают массовость практик внутристрановой мобильности, демонстрируемых представителями молодого поколения. Более 40% опрошенных меняли населенный пункт проживания после окончания школы, а около трети декларируют планы территориальных перемещений на горизонте ближайших лет. Возможный переезд в значительной степени определяется невысоким уровнем удовлетворенности условиями жизнедеятельности в населенном пункте текущего проживания, и наиболее значимыми факторами формирования подобных установок выступают перспективы трудоустройства с приемлемыми условиями занятости, а также возможности проведения досуга. По мере приближения к тридцатилетнему возрасту настойчивость миграционных ориентаций существенно снижается (молодые люди либо реализуют желаемый переезд, либо обустраивают свою жизнь с учетом имеющихся ограничений), однако даже в наиболее старшей группе опрошенных его возможность предполагают четверть соответствующей группы.

Отсутствие детей (на момент опроса это характеризует около половины респондентов) является времененным состоянием для подавляющего большинства представителей молодежной когорты. Деторождение, безусловно, воспроизводится в качестве абсолютной социальной нормы, и большинство не имеющих детей

молодых людей планируют деторождение в будущем. Модальный показатель, к которому стремится молодежь, – это двое детей, при этом готовность к большему числу деторождений при наличии соответствующих условий становится достаточно массовой, а декларирование стратегии «чайлдфри», напротив, характеризует крайне узкие группы молодежи. При этом ориентация на ранние деторождения распространена крайне незначительно, и чем выше уровень образования, тем чаще в оптимальной модели появления первого ребенка присутствует сравнительно старший возраст обоих родителей.

Традиционная модель, предполагающая закрепление семейных обязанностей в соответствии с гендерными ролями, имеет явную тенденцию к размыванию как минимум на уровне декларируемых установок. Интенции к эгалитарности семейных отношений в наибольшей степени поддерживают молодые высокообразованные горожане.

Список источников

- Авраамова Е.М. (2017) Молодежь в социально-экономической и этической системе координат // Общественные науки и современность. № 1. С. 86–98 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28779867_65550668.pdf, дата обращения 10.04.2025.
- Богданова Л.П., Щукина А.С. (2003) Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. № 7. С. 100–104 // https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-07/Bogdanova_Shchukina.pdf, дата обращения 10.04.2025.
- Вакуленко Е.С., Макарова М.Р., Горский Д.И. (2022) Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // Демографическое обозрение. № 9 (4). С. 138–159. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16747
- Голов А.А. и др. (1993) Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мир, Океан.
- Гурко Т.А. (2017) Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. № 11. С. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113
- Гурко Т.А., Мамиконян М.С. (2018) Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник института социологии. № 27. С. 192–226. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.547
- Гурко Т.А., Мамиконян М.С., Бийжанова Э.К. (2018) Исследования гендерной идеологии молодежи: обзор зарубежных работ // Социология медицины. № 17 (2). С. 104–113. DOI: 10.18821/1728-2810-2017-17-2-104-113
- Гурко Т.А., Тарченко В.С. (2019) Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. № 7. С. 102–113. DOI: 10.31857/S013216250005797-9
- Долбик-Воробей Т.А. (2003) Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. № 11 (235). С. 78–102 // https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/dolbik_vorobey.pdf, дата обращения 10.04.2025.
- Лежнина Ю.П. (2016) Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. Т. 4. № 2 (14). С. 70–90. DOI: 10.19181/snsp.2016.4.2.4271
- Логинов Д.М. (2021) Традиционные и новые паттерны демографического поведения современной городской молодежи // Народонаселение. Т. 24. № 2. С. 165–178. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.13

- Логинов Д.М., Семионова Е.А. (2023) Миграционные ориентации старших школьников при переходе к получению профессионального образования // ЭКО. № 3 (585). С. 158–176. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-158-176
- Ломакин И.В. (2019) Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 394–436. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.20
- Мангейм К. (1998) Проблема поколений // Новое литературное обозрение. № 2 (30). С. 7–47.
- Мкртчян Н.В. (2017) Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (137). С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15
- Назарова И.Б., Зеленская М.П. (2019) Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. № 7. С. 78–89. DOI: 10.31857/S013216250005795-7
- Нечаева Н.А. (2018) Общие жизненные установки студенческой молодежи: их роль в семейных и гендерных представлениях // Петербургская социология сегодня. № 9. С. 6–26 // <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-zhiznennye-ustanovki-studencheskoy-molodezhi-ih-rol-v-semeynyh-i-gendernyh-predstavleniyah/viewer>, дата обращения 10.04.2025.
- Прокофьева Л.М., Корчагина И.И., Гузанова А.К. (2008) Структура семей в России и трансформация семейных ценностей // Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. (ред.) Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. М.: ИСЭПН РАН. С. 10–40.
- Радаев В.В. (2018) Прощай, советский простой человек! // Общественные науки и современность. № 3. С. 51–65. DOI: 10.7868/S0869049918030048
- Римашевская Н.М. (2009) Семья в демографических процессах // Труд и социальные отношения. № 1. С. 43–50 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12930446_86608712.pdf, дата обращения 10.04.2025.
- Романович Н.А. (2023) Представления молодежи о браке и семье // Социологические исследования. № 3. С. 135–140. DOI: 10.31857/S013216250021750-8
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. (2020) Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 20. № 3. С. 527–545. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545
- Синельников А.Б. (2019) Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. № 2. С. 26–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013
- Смакотина Н.Л. (2012) Молодежь в ситуации социальной нестабильности // Народонаселение. № 3 (57). С. 91–95 // <https://sciup.org/molodezh-v-situacii-socialnoj-nestabilnosti-14347416>, дата обращения 10.04.2025.
- Тарченко В.С., Бийжанова Э.К. (2018) Исследования брачно-семейных представлений студенческой молодежи: обзор российских работ // Общество: социология, педагогика, психология. № 12. С. 50–55. DOI: 10.24158/spp.2018.12.7
- Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. (2008) Оценка уровня миграционной мобильности молодежи малых российских городов (по опросам выпускников школ) // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 125–140 // <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2008/fp/3/09.pdf>, дата обращения 10.04.2025.
- Чернова Ж., Шпаковская Л. (2010) Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium: журнал социальных исследований. № 3. С. 19–43 // <https://cyberleninka.ru/article/n/molodye-vzroslye-supruzhestvo-partnerstvo-i-roditelstvo-diskursivnye-predpisaniya-i-praktiki-v-sovremennoy-rossii/viewer>, дата обращения 10.04.2025.
- Шереги Ф.Э. (2013) Российская молодежь: настроения, ожидания, ценностные ориентации. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Шумпетер Й.А. (1995) Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.

- Adach T. (2018) Work-Family Planning and Gender Role Attitudes among Youthwork-Family Planning and Gender Role Attitudes among Youth // International Journal of Adolescence and Youth, vol. 23, no 1, pp. 52–60. DOI: 10.1080/02673843.2016.1269655
- Basten S. (2009) Voluntary Childlessness and Being Childfree // The Future of Human Reproduction: Working Paper No. 5. St. John's College, Oxford, Vienna Institute of Demography.
- Bhavana N., Roopa K.S. (2015) Youth Attitude towards Marriage and Changing Trends in Marriage // International Journal of Science and Research (IJSR), vol. 4, no 7, pp. 677–682 // <https://www.ijsr.net/archive/v4i7/SUB156386.pdf>, дата обращения 10.04.2025.
- Strauss W., Howe N. (2009) The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny, New York: Crown.
- Veevers J.E. (1980) Childless by Choice, Toronto: Butterworths.

Youth Demographic Orientations Formed during the Institutional Instability of the 2010s

D.M. LOGINOV*

***Dmitry M. Loginov** – PhD in Economics, Senior Researcher, Center “Institute of Social Analysis and Forecasting”, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; loginov-dm@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2717-6909>

Citation: Loginov D.M. (2025) Youth Demographic Orientations Formed during the Institutional Instability of the 2010s. *Mir Rossii*, vol. 34, no 3, pp. 28–50 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-3-28-50

Abstract

This article examines the demographic orientations of Russian youth that were shaped and realized during the period of institutional stability in the 2010s. The study is based on data from a sociological survey conducted by INSAP RANEPA in 2019 among the country's population aged 18–35. The structure of the sample allows for comparative analysis across various socio-demographic groups. The focus is on attitudes toward leaving the parental home, getting married, and childbearing, as well as internal migration practices and perceptions of the optimal level of egalitarianism in family relationships. The results show that living separately from parents is a well-established social norm, although physical separation is often accompanied by continued resource support from the parental household. Clear mechanisms of delayed marriage are noted, particularly among men. A common feature of demographic behavior is the status of being in a stable partnership without official registration, which is mostly perceived by young people as an intermediate life stage. Childbearing remains an unconditional value for the overwhelming majority of Russian youth, but orientation toward early parenthood is very rare, with a clear dependence of attitudes on the level of education. More than 40% of young people live in a locality different from where they finished school, and 35% report migration plans in the coming years. Perceptions of current living conditions in the locality strongly differentiate youth in terms

The article was written as part of the RANEPA state assignment research program.

The article was received in May 2024.

of migration attitudes, with employment opportunities and leisure activities being the most significant factors. Russian youth clearly express a commitment to egalitarian family relations, and a low level of egalitarianism is the norm for less than half of young people.

Keywords: youth, demographic behavior; marriage and partnership relations, reproduction, childbirth, migration, egalitarian culture

References

- Adach T. (2018) Work-Family Planning and Gender Role Attitudes among Youth. *International Journal of Adolescence and Youth*, vol. 23, no 1, pp. 52–60. DOI: 10.1080/02673843.2016.1269655
- Avraamova E.M. (2017) Youth in the Socio-Economic and Ethical Coordinate System. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 86–98. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28779867_65550668.pdf, accessed 10.04.2025 (in Russian).
- Basten S. (2009) Voluntary Childlessness and Being Childfree. *The Future of Human Reproduction: Working Paper No. 5*, St. John's College, Oxford, Vienna Institute of Demography.
- Bhavana N., Roopa K.S. (2015) Youth Attitude towards Marriage and Changing Trends in Marriage. *International Journal of Science and Research (IJSR)*, vol. 4, no 7, pp. 677–682. Available at: <https://www.ijsr.net/archive/v4i7/SUB156386.pdf>, accessed 10.04.2025.
- Bogdanova L.P., Shchukina A.S. (2003) Civic Marriage in Current Demographic Situation. *Sociological Studies*, no 7, pp. 100–104. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-07/Bogdanova_Shchukina.pdf, accessed 10.04.2025 (in Russian).
- Chernova J., Shpakovskaya L. (2010) Young Adults: Matrimony, Partnership and Parenthood. Discursive Research and Practice in Modern Russia. *Laboratorium: Journal of Social Research*, no 3, pp. 19–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodye-vzroslye-supruzhestvo-partnerstvo-i-roditelstvo-diskursivnye-predpisaniya-i-praktiki-v-sovremennoy-rossii/viewer>, accessed 10.04.2025 (in Russian).
- Florinskaya Yu.F., Roshchina T.G. (2008) Estimating the Migratory Mobility of the Youth Living in Small Russian Towns: A School Leavers' Interview. *Studies on Russian Economic Development*, no 3, pp. 125–140. Available at: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2008/fp/3/09.pdf>, accessed 10.04.2025 (in Russian).
- Golov A.A. et al. (1993) *Soviet Simple Man: Experience of a Social Portrait at the Turn of the 90's*, Moscow: Mir, Okean (in Russian).
- Gurko T.A. (2017) New Family Forms: Tendencies of Spreading and Concepts. *Sociological Studies*, no 1, pp. 99–110 (in Russian). DOI: 10.7868/S0132162517110113
- Gurko T.A., Mamikonyan M.S. (2018) Students' Attitudes when It Comes to Marriage, Family and Relationships between Genders. *Bulletin of the Institute of Sociology*, no 27, pp. 192–226 (in Russian). DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.547
- Gurko T.A., Mamikonian M.S., Biyhanova E.K. (2018) The Studies of Gender Ideology of the Youth: The Review of Foreign Publications. *Sociology of Medicine*, no 17 (2), pp. 104–113 (in Russian). DOI: 10.18821/1728-2810-2017-17-2-104-113
- Gurko T.A., Tarchenko V.S. (2019) Dynamics of Students' Marital Attitudes and Plans. *Sociological Studies*, no 7, pp. 102–113 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250005797-9
- Dolbik-Vorobey T.A. (2003) Student Youth on Issues of Marriage and Birth Rates. *Sociological Studies*, no 11 (235), pp. 78–102. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-11/dolbik_vorobey.pdf, accessed 10.04.2025 (in Russian).

- Lezhnina Yu.P. (2016) Family Institution in Russia: On the Path of Transformation. *Sociological Science and Social Practice*, vol. 4, no 2 (14), pp. 70–90 (in Russian). DOI: 10.19181/snsp.2016.4.2.4271
- Loginov D.M. (2021) Traditional and New Patterns of Today's Urban Youth Demographic Behaviour. *Population*, vol. 24, no 2, pp. 165–178 (in Russian). DOI: 10.19181/population.2021.24.2.13
- Loginov D.M., Semionova E.A. (2023) Migration Orientations of High School Students during Transition to Vocational Education. *ECO*, no 3, pp. 158–176 (in Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-158-176
- Lomakin I.V. (2019) Childfree or Voluntarily Childless? Redefining the Conceptual Field of Studies on Non-parenthood in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 394–436 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.20
- Mannheim K. (1998) The Problem of Generations. *New Literary Observer*, no 2 (30), pp. 7–47 (in Russian).
- Mkrtyan N.V. (2017) The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1 (137), pp. 225–242 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15
- Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. (2019) Marriage, Family, Students' Social Attitudes and Representations. *Sociological Studies*, no 7, pp. 78–89 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250005795-7
- Nechaeva N.A. (2018) General Life Attitudes of Student Youth: Their Role in Family and Gender Representations. *St. Petersburg Sociology Today*, no 9, pp. 6–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-zhiznennye-ustanovki-studencheskoy-molodezhi-ih-rol-v-semeynyh-i-gendernyh-predstavleniyah/viewer>, accessed 10.04.2025 (in Russian).
- Prokofeva L.M., Korchagina I.I., Guzanova A.K. (2008) The Structure of Families in Russia and the Transformation of Family Values. *Family with Children in Modern Russia: Economic and Social Portrait* (eds. Ovcharova L.N., Prokofeva L.M.), Moscow: ISEPN RAN, pp. 10–40 (in Russian).
- Radaev V.V. (2018) Farewell to the Soviet Common Man! *Social Sciences and Contemporary World*, no 3, pp. 51–65 (in Russian). DOI: 10.7868/S0869049918030048
- Rimashevskaya N.M. (2009) Family in Demographic Process. *Labor and Social Relations*, no 1, pp. 43–50. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12930446_86608712.pdf, accessed 10.04.2025 (in Russian).
- Romanovich N.A. (2023) Youth and Marriage: A Transformation of Values. *Sociological Studies*, no 3, pp. 135–140 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250021750-8
- Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. (2020) Transformation of the Desired Family Model in Different Generations: Results of the All-Russian Sociological Study. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 3, pp. 527–545 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545
- Sheregi F.E. (2013) *Russian Youth: Moods, Expectations and Value Orientations*, Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga (in Russian).
- Sinelnikov A.B. (2019) Transformation of Marriage and Fertility in Russia. *Population*, no 2, pp. 26–39 (in Russian). DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00013
- Smakotina N.L. (2012) Youth in the Situation of Social Instability. *Population*, no 3 (57), pp. 91–95. Available at: <https://sciup.org/molodezh-v-situacii-socialnoj-nestabilnosti-14347416>, accessed 10.04.2025 (in Russian).
- Shumpeter J. (1995) *Capitalism, Socialism and Democracy*, Moscow: Ekonomika (in Russian).
- Strauss W., Howe N. (2009) *The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny*, New York: Crown.
- Tarchenko V.S., Biyhanova E.K. (2018) Views of Students on Marriage and Family: A Review of Russian Studies. *Society: Sociology, Pedagogy, Psychology*, no 12, pp. 50–55 (in Russian). DOI: 10.24158/spp.2018.12.7
- Vakulenko E.S., Makarova M.R., Gorskiy D.I. (2022) Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries during the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*, no 9 (4), pp. 138–159 (in Russian). DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16747
- Veevers J.E. (1980) *Childless by Choice*, Toronto: Butterworths.